

Евгения Вилкова*

ТЕОДИЦЕЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ**

СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОКИ АПОЛОГИИ ДЭВИДА БЕНТЛИ ХАРТА

Получено: 04.07.2020. Рецензировано: 02.09.2020. Принято: 07.12.2020.

Аннотация: В настоящей статье делается попытка рассмотреть нетрадиционный вариант решения проблемы теодицеи, предложенный современным американским православным богословом и философом Дэвидом Бентли Хартом. Цель исследования — раскрыть особенности трактовки вопроса теодицеи в аргументации данного автора. В статье анализируются контраргументы Дэвида Харта относительно наиболее популярных современных тенденций осмысления проблемы теодицеи в западном мире, которые, по его мнению, не дают ответа вопрошающему о Боге человеку, а лишь служат очередным поводом для атеистических атак на христианство. Особое внимание уделяется позитивному аспекту учения богослова, которое является нетривиальной попыткой дать ответ атеизму, не прибегая к рациональным аргументам классических теодицей. Научная новизна данной работы заключается в выявлении концептуальных параллелей апологетических взглядов Дэвида Харта с идеями русского религиозного философа, благодаря чему делается предположение о возможном «русском следе» в философии православного американца. Этот аспект представляет интерес в перспективе дальнейшего изучения влияния русской религиозной философии на формирование взглядов современных англоязычных христианских философов и богословов. В исследовании был использован историко-философский метод научного познания, а также метод философской герменевтики, что позволило произвести анализ философии Дэвида Харта как явления, существующего в контексте современной культуры, и обнаружить глубинный смысл текстов и взаимосвязи элементов его философской системы. В результате проведенной работы выявлены и охарактеризованы суждения автора относительно проблемы «оправдания Бога», а также систематизированы ключевые моменты его теодицеи.

Ключевые слова: Дэвид Харт, православное американское богословие, теодицея, антитеодицея, апологетика, эсхатология, Семен Франк.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-35-49.

Проблема теодицеи является одной из сложнейших тем апологетики, которая вновь обретает актуальность с каждой новой трагедией, происходящей в мире. Каждая война, эпидемия и катастрофа с новой

*Вилкова Евгения Валерьевна, студент магистратуры и старший преподаватель, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет (Москва), eugenia_vilkova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9015-1122.

**© Вилкова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

силой ставит перед христианином вопрос о возможности существования христианского Бога в мире, полном зла и страданий.

На протяжении истории над этим вопросом размышляли многие богословы и философы, но наиболее интересным для нас представляется то, какой ответ на него может дать современное западное богословие, которое особенно широко сегодня имеет дело с движением «нового атеизма», активно распространившимся на Западе, но пока еще не набравшим большую популярность в русскоязычном мире.

Каждая эпоха требует своих подходов для обоснования веры в Бога и опровержения критиков религиозной картины мира. Эпоха постмодернизма бросила очередной вызов апологетам: как обосновать христианские позиции в обществе, которое, несмотря на то что уже давно пережило «смерть Бога» и «расколдовывание мира» и вошло, как считается, в постсекулярную эпоху, стало увлекаться идеями «нового атеизма»? Какие аргументы можно предложить в защиту того, что наличие в мире зла не противоречит идее существования Бога, и нужны ли вообще такие аргументы? На эти вопросы предложил свой ответ один из самых эрудированных и одновременно неоднозначных богословов и философов современного западного мира, чьи труды по большей части посвящены именно вопросам апологетики.

Дэвид Бентли Харт — православный американский философ, богослов и критик, хорошо известный в западном мире. Его первая большая работа «Красота бесконечного: эстетика христианской истины» получила высокую оценку католических и протестантских теологов, но была почти не замечена в православном мире. Такова участь и последующих его работ. Возможно, так произошло, потому что у Дэвида Харта сложилась репутация не совсем православного богослова. Перейдя из англиканства в православие, в своих трудах он стал опираться в том числе и на мысли хорошо знакомых ему западных теологов. По многим темам он придерживается довольно либеральных взглядов, Харт известен смелыми заголовками книг и статей, а также является сторонником учения об апокатастасисе, что также не вызывает симпатий у большинства православных ученых. Эти предубеждения не позволяют православному научному сообществу открыть для себя Дэвида Харта как значительного философа и богослова современности, а также познакомиться с его трактовками важных апологетических тем, одной из которых является проблема теодицеи.

По признанию Дэвида Харта, существование в мире зла — это самый сильный аргумент из тех, которыми атеисты пытаются развенчать

христианскую картину мира. Он не включает в себя вопроса о бытии или небытии Бога, рассматривая который неизбежно приходится давать определение таким понятиям, как «бытие» и «Бог», в чем атеисты зачастую терпят неудачу, еще не начав излагать свою позицию по сущности проблемы. Данный же аргумент непосредственно касается вопроса о Божественной благодати и любви, а вкупе с наличием в мире зла является для атеистов несомненным доказательством противоречивости христианского учения.

Причиной, побудившей Харта обратиться к данной проблематике, стала катастрофа — цунами, обрушившееся на побережье Индийского океана в 2004 году, которое за один день унесло жизни более 200 тысяч людей, — а также последовавшие за ней скептические статьи в англоязычной прессе, содержащие очередные нападки на христианского Бога, допускающего страдания безвинных людей.

Следует отметить, что аргументы атеистов по этому вопросу на протяжении истории не претерпевают изменений. Они исходят из кажущегося логического противоречия, возникающего, если одновременно принять четыре пункта христианского учения: Бог существует, и Он всеведущ, всемогущ и всеблаг. Если соотнести эти Божественные свойства с эмпирическим наличием в мире зла и страданий, то, по мнению атеистов, логическим образом мы приходим к выводу, что хотя бы одно из определений ошибочно. Бог либо не знает о зле, творящемся на земле, либо знает, но не может ему противостоять, либо знает и в силах его уничтожить, но не обладает таким желанием. Если же мы настаиваем на наличии у Бога всех трех свойств, то делается вывод об ошибке в первой части предлагаемого тезиса: значит, Бога не существует.

Предлагая свое философское видение данного вопроса, аргументам атеистов Дэвид Харт не уделяет существенного внимания. Он считает их

the perorations and tirades of secular moralists, gravely and condescendingly informing us that the last slender supports for our irrational religious allegiances have been ripped away [перорациями и тирадами светских моралистов, с важностью и снисхождением информирующих нас, что мы потеряли последнюю слабую опору нашей иррациональной религиозной преданности]¹ (Hart, 2004: 9).

¹Здесь и далее перевод мой. — Е.В.

Главная причина, по которой Дэвид Харт не видит смысла опровергать аргументы атеистов, — это их антропоморфное представление о Боге,

abstracted from any living system of belief—that reduces God to a finite ethical agent, a limited psychological personality, whose purposes are measurable upon the same scale as ours, and whose ultimate ends for his creatures do not transcend the cosmos as we perceive it [абстрагированное от любой существующей системы веры, которое сводит Бога к конечному этическому деятелю, к ограниченной психологической личности, чьи цели измеримы в том же масштабе, что и наши, и чьи конечные замыслы о своих созданиях не выходят за пределы понимаемого нами космоса] (Hart, 2005: 13).

Он видит скрытую иронию в их обращении к данной теме, так как подобные доводы могли прийти на ум только человеку, чьи моральные ожидания от Бога были сформированы христианской культурой, как бы далеко от евангельского ни было его понимание Абсолюта (Hart, 2004: 15). Ведь именно христианство возвестило миру бесконечно благого Бога, Который есть Любовь, и без такого представления невозможна сама постановка проблемы теодицеи.

В целом Харт приходит к выводу, что аргументы современных атеистов направлены против креационистов, а их авторы по большей части совершенно не владеют информацией о христианских трактовках вопроса теодицеи. Намного сильнее его беспокоят христианские варианты ответа на вопрос о присутствии зла в нашем мире, так как они представляются ему по большей части ошибочными и дающими атеистам повод для атаки на христианство. При этом, по словам Харта, они

span almost the entire spectrum of religious sensibility: they can be cold with Stoical austerity, moist with lachrymose piety, wanly roseate with sickly metaphysical optimism [охватывают почти весь спектр религиозной чувствительности: они могут быть холодными от стоической строгости, влажными от слезливого благочестия, с болезненным румянцем от слащавого метафизического оптимизма] (Hart, 2005: 6).

В современном англоязычном христианском богословии существует две основные тенденции анализа проблемы теодицеи: универсализм (оправдание Бога за все мировое зло) и партикуляризм (оправдание зла, происходящего в жизни конкретных людей) (Казарян, 2001).

В универсалистской теодицее зло рассматривается с трех наиболее популярных позиций:

- (1) с позиции философского оптимизма Лейбница как необходимой части наилучшего из возможных миров;
  - (2) как результат наличия у человека свободной воли и средство для понимания ее ущербности;
  - (3) как поущение Божие для обретения людьми Божьего подобия.
- Внутри партикуляризма выделяют две тенденции:
- (1) объяснение существования зла через наличие определенных неизвестных нам причин в каждом конкретном случае, в котором оно происходит;
  - (2) рассмотрение зла как явления, имеющего благотворное воздействие на душу каждого человека, у которого формируется своя собственная теодицея, способствующая его возрастанию в духовной жизни.

Дэвид Харт в своих рассуждениях не опирается на представленную классификацию, однако критикует все описанные нами виды современной теодицеи, обходя стороной лишь последний партикуляристский подвид, вероятно, оставляя его аскетическому разделу богословия.

Метафизический оптимизм Харт называет пресным и лишенным какого-либо основания в Новом Завете, в котором авторами не приводится морального оправдания существующего космического порядка падшего мира, но центром которого является чувство триумфализма и убеждение, что воля Божия не может быть окончательно сломлена и что победа над злом и смертью уже одержана Иисусом Христом (Еф. 4:8, Кол. 2:15). Но к нам эта победа еще должна прийти, а на данный момент мы живем посреди борьбы света и тьмы, неправды и истины, жизни и смерти. Силы зла господствуют на земле, и мир является полем, на котором пшеница и плевелы остаются до времени рядом (Мф. 13:38).

Рассматривая вторую универсалистскую позицию, Харт рассуждает о свободе воли в русле святоотеческой мысли. Моральное зло имеет источником свободную волю, которую Бог дарует своим созданиям. Все творение в своем существовании зависит от Бога, но тем не менее оно поистине иное, чем Бог. Ведь если бы мир не был отделен от Бога и не обладал реальной свободой, аналогичной Божественной, то он был бы «only an oddly pantheistic expression of God's unadulterated power» [лишь странным пантеистическим самовыражением чистейшей Божественной силы] (Hart, 2004: 91). Но творение — это не просто проявление воли Бога вне Себя. Бог допускает творению иметь свою собственную свободу, не желая напрямую всего того, что вследствие нее происходит. Он не

хочет лишить человека возможности свободного союза с Ним в любви. Раскрывая святоотеческое учение по данному вопросу, Харт использует понятие гномической воли, разработанное преподобным Максимом Исповедником, и показывает, каким образом она [гномическая воля] ставит нас перед этическим выбором и заставляет колебаться между добром и злом.

Таким образом, Харт признает зависимость зла от гномической воли, однако понимает, что сведение всей теодицеи к свободе воли человека невозможно, так как тогда она становится попыткой осмыслить только моральное зло, но при этом не принимается во внимание зло естественное — происходящие в мире катастрофы природного характера. Хотя они, по мысли Харта, определено также являются следствием грехопадения человека, после которого Бог позволяет злу иметь собственную историю в нашем мире.

Наконец, он критикует тенденции осмысления зла как поущения Божия и объяснение его существования в жизни людей через наличие определенных неизвестных нам причин, способствующих его появлению. Его аргумент состоит в том, что никакое зло не может иметь своей целью самосовершенствование или любые иные благие цели в жизни ли всего человечества или конкретных людей. Зло не имеет собственной субстанции. Зло — это лишь отсутствие добра, паразитическая реальность, подобная грязи или болезни, но никак не «вещь в себе» (Hart, 2004: 73). За злом и страданием нет высшей цели, они лишь являются определенной реальностью, которую нужно принять. Они не могут служить какой-либо необходимой цели в Божьем творении, даже если Бог может обратить их во благо (*ibid.*: 29).

Возможность обращения зла на пользу человека подводит нас еще к одной важной теме — теме Промысла Божия, — которая является одной из ключевых в теодицее Дэвида Харта. В рассуждениях по этому вопросу для него становится важным показать, что наличие в мире Промысла не ставит зло в зависимость от Бога. Он проводит различие между христианской доктриной трансцендентного Промысла и диалектической телеологией. Последняя неминуемо ведет к представлению, что каждая конечная случайность является результатом единственной воли, действующей на все создание. В таком случае мир становится лишь выражением единой чистой силы, одновременно произвольным и необходимым, имеющим ясную цель в своих частях и бессмысленным как единое целое. Даже если целью такого мира является познание величия и справедливости Бога, то величие и справедливость оказываются

лишь выдумкой Его воли, действующей на людей как добрыми, так и злыми средствами, ведущей одних ко спасению, а других — в адские муки. То есть, на взгляд Харта, подобная телеология неминуемо ведет к детерминизму и к такой вере в Бога, которая полностью совпадает с нигилизмом (Hart, 2004: 29–30).

Напротив, Промысл Божий — это не универсальная телеология, позволяющая вписать каждый отдельный фрагмент зла и страданий в некую грандиозную схему, конечный вариант которой оправдает все вещи. Промысл Божий — это то, как Бог, для Которого не существует ни прошлого, ни будущего, отвечает на действия, которые не были Им детерминированы, но которые, в свою очередь, также не могут детерминировать и Его (Hart, 2009: 42–43). Для Харта то, что Фома Аквинский называет вторичной причинностью, никогда не исходит от Бога, хотя и обращается Им впоследствии во благо человеку. В противном случае нам пришлось бы поверить в духовную необходимость страдания ребенка, заболевшего дифтерией, молодой матери, умирающей от рака, поглощенных морем десятков тысяч азиат и миллионов людей, убитых в лагерях смерти и ГУЛАГах. Дэвиду Харту

it seems a strange thing to find peace in a universe rendered morally intelligible at the cost of a God rendered morally loathsome [кажется странным обрести покой в морально понятной вселенной за счет морально отвратительного Бога] (McGrath, 2016: 218).

Другим аргументом против рационального объяснения зла, на который он обращает наше внимание, заключается в следующем: на практике ни один человек, находящийся в здравом рассудке, не начнет утешать страдающего от зла человека рассуждениями о пользе выпавших ему бедствий. Так, он приводит в пример мужчину, в слезах рассказывавшего о гибели в цунами четырех из пяти своих детей. Харт уверен, что

only a moral cretin at that moment would have attempted to soothe his anguish by assuring him that his children had died as a result of God's eternal, inscrutable, and righteous counsels, and that in fact their deaths had mysteriously served God's purposes in history, and that all of this was completely necessary for God to accomplish his ultimate design in having created this world [только моральный урод в тот момент попытался бы облегчить его страдания, заверив его, что его дети погибли в результате вечных, непостижимых и праведных путей Господних, и что на самом деле их смерть таинственным образом послужила Божьим целям в истории, и что все это было совершенно необходимо для

Бога, чтобы воплотить свой конечный замысел о созданном Им мире] (Hart, 2004: 99–100).

Таким образом, теоретическая и практическая теодицея для Харта неотделимы друг от друга.

Основываясь на христианском учении о грехопадении человека, который использовал дарованную ему свободу против своего Творца, отдав тем самым себя в руки другого хозяина, и на эстетическом восприятии реальности, красоте, которая объективно присутствует в нашем мире, что было наглядно показано им в труде «Красота бесконечного: эстетика христианской истины», американский философ обосновывает параллельное существование добра и зла в нашем мире. Подобный дуализм становится закономерным следствием его отказа от рационального объяснения существования зла при наличии всеведущего, всемогущего и всеблагого христианского Бога.

И в своей собственной жизни истинный христианин, по его мнению, должен видеть сразу две реальности:

one the world as we all know it, in all its beauty and terror, grandeur and dreariness, delight and anguish; and the other world in its first and ultimate truth, not simply “nature” but “creation”, an endless sea of glory, radiant with the beauty of God in every part, innocent of all violence. To see in this way is to rejoice and mourn at once, to regard the world as a mirror of infinite beauty, but as glimpsed through the veil of death; it is to see creation in chains, but beautiful as in the beginning of days [один мир, каким мы все его знаем, во всех его красоте и ужасе, великолепии и мраке, восторге и муках, и другой мир в его изначальной и конечной истине, не просто «природу», но «творение», бесконечное море славы, сияющее красотой Бога в каждой частице, невинное ни в каком насилии. Видеть мир таким образом — значит одновременно радоваться и горевать, воспринимать мир как зеркало бесконечной красоты, проглядывающее, однако, сквозь пелену смерти; это видеть творение в цепях, но прекрасным, как в начале дней] (ibid.: 60–61).

Исследователь, знакомый с русской религиозной философией, не может не заметить близость идей Дэвида Харта к учению Семена Людвиговича Франка, которому принадлежит одна из наиболее сложных разработок темы зла в истории русской философии. Дэвид Харт нигде не упоминает русского философа, но, зная об эрудиции Харта, о его владении русским языком, а также о хорошем знакомстве с русской религиозной философией (в своих трудах он часто упоминает Владимира Соловьева, отца Сергия Булгакова, отца Павла Флоренского),

можно говорить о том, что на момент написания работ по теодицее он совершенно точно был знаком с основными трудами Франка, которые к тому моменту были уже давно опубликованы и на английском языке (см., напр., Frank, Jakim, 1983).

Вслед за русским философом Дэвид Харт отказывает теодицее в праве рационального обоснования, говорит о несводимости зла к свободе воли и невозможности объяснения зла без признания его в качестве бытия. Мысль Франка о том, что «объяснить зло — это значит найти его основание, его смысл, т.е. оправдать его, но это противоречит самой сущности зла, как тому, чему не следовало быть» (Франк, 1998: 139), хотя напрямую и не произносится Хартом на страницах его книг, но является выводом, который читатель сам делает из предложенной автором информации к размышлению. Влияние философии Франка определенно сказалось и на хартовском восприятии мира как места параллельного сосуществования добра и зла, Света Христова и тьмы, не объявшей его, как охарактеризовал состояние падшего мира русский философ. Главу из труда Франка «Свет во тьме», озаглавленную «Два мира. „Дух“ и „плоть“», можно назвать квинтэссенцией христианского дуалистического понимания мира, которую Харт впитал вместе с другими представлениями Франка по вопросам теодицеи. Главным же отличием теодицеи Дэвида Харта является то, что в его философии она не вплетается в ткань учения о всеединстве, как у Семена Людвиговича Франка, а сочетается с идеей об апокатастасисе, которую Дэвид Харт разовьет в 2019 году, но симпатии к которой видны и в более ранних его книгах.

Подобная приверженность мнению о необходимости отказа от рационального объяснения зла не является уникальной в истории философии. Позицию, подобную той, которую занимают Семен Франк и Дэвид Харт, принято называть антитеодицеей, и ее разделяет определенное количество, в том числе христианских, богословов (Shearn, 2013: 439–458).

Антитеодицея — это термин, используемый для обозначения реакции на традиционные формулировки проблемы зла и на традиционные варианты решения этой проблемы (Betenson, 2016: 56). Впервые он появляется после холокоста, когда среди еврейских ученых возникла тенденция переосмысливать свою философию в свете произошедшей трагедии и отказываться от традиционных теодицей, объясняющих и оправдывающих страдание, в пользу идей утешения и божественной тайны.

Надо сказать, что и у европейских богословов последнего столетия самые необычные авторские трактовки теодицеи оказались связаны с периодом борьбы с нацизмом.

Так, крупнейший швейцарский богослов Карл Барт, один из лидеров «Исповедующей Церкви», которая была создана для сопротивления фашистской идеологии, в своей теодицее, видя антагонистический дуализм нашего мира, его диалектичность, также отказывается от доводов рассудка и предлагает нам взамен лишь надежду на благодать. Ведь история для Барта — это место Божьего суда над человечеством, и кара в таком случае — это неотъемлемая часть ее течения.

Ученик и друг Карла Барта Дитрих Бонхеффер в своих лагерных письмах и записках тоже не ищет логического объяснения существования зла. Его антитеодицею можно назвать христологической, так как в центр нее он ставит Христа, а не человека. Соучастие в страданиях Бога (в Гефсиманском саду, на Кресте) посредством своих собственных страданий — это, по его мнению, «и есть вера, это и есть „метанойя“». Только тогда и станешь человеком, христианином» (Бонхёффер, Григорьев, 1994: 271).

Можно вспомнить и Пауля Тиллиха, вынужденного эмигрировать в Америку и оттуда участвовать в борьбе с «коричневой чумой». Его центральной идеей в осмыслении зла стал принцип соучастия индивида в судьбе целого человечества, «в творческом основании божественной жизни» (Тиллих, Лифинцева, 2000: 261).

Конечно, подобные попытки переосмысления проблемы теодицеи европейской богословской мыслью XX века не являются случайными и свидетельствуют о том, что именно острое личное переживание страданий является импульсом для глубокого осмысления подобной проблематики.

В настоящее же время понятие «антитеодицеи» используют, говоря не только о теистической, но и атеистической критике рационального объяснения зла (Roth, 2004: 277).

Атеистическую антитеодицею, не называя ее таковой, Харт подробно рассматривает на примере размышлений Ивана Карамазова, чьи слова звучат рефреном на протяжении всего повествования в книге «The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?» [Врата моря: где был Бог во время цунами?]. По мысли Харта, сила аргумента Ивана Карамазова состоит в том, что вместо того чтобы обвинять Бога в неспособности спасти страдающих людей, он отвергает само спасение, реализуемое таким аморальным способом (Hart, 2005: 6–9). Все блага Царствия Небесного ни для Ивана Карамазова, ни для Дэвида Харта не стоят слезинки ребенка. Сравнивая аргументы Карамазова с аргументами Вольтера, который в своем стихотворном произведении «Поэма на разрушение Лиссабона» критикует христианские теодицеи,

Харт обращает внимание на то, что Вольтер видит только ужасную правду: история страданий и зла не является нравственно понятной, а Достоевский, в силу своего гения, видит, насколько было бы ужаснее, если бы ее можно было нравственно осмыслить.

Но если антитеодицея приводит Карамазова к неверию, то Харт убежден, что подобная философия — это то, что делает жизнь христианина прекрасной. Название его центрального труда по данной теме, «The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?» [Врата моря: где был Бог во время цунами?], несомненно, содержит аллюзию к 38 главе книги Иова, в которой Бог задает Иову риторические вопросы, один из которых звучит так: «Где был ты, когда Я полагал основание земли?» (Иов. 38:14). Иоанн Златоуст дает такое толкование данному отрывку: «Все творение совершилось, а тебя нигде не было. Итак, Того, Кто древнее веков, Виновника творения, ты призвал на суд?» (Иоанн Златоуст, 1900: 941). То есть этим вопросом Бог дает понять Иову, а через него и всем людям, что творение не может требовать отчета от Творца.

Впоследствии один из журналистов попросит Харта все же сказать где, по его мнению, был Бог во время цунами, на что Харт ответит так:

In and beyond all things, nearer to the essence of every creature than that creature itself, and infinitely outside the grasp of all finite things [Внутри и за пределами всех вещей, ближе к сущности каждого творения, чем оно само, и бесконечно вне досягаемости всех конечных существ] (Hart, 2016: 122).

Подобно Иову Дэвид Харт полагает руку свою на уста свои и отказывается рационально объяснить наличие зла на земле. Он уверен только в том, что, когда мы смотрим в лицо мертвого ребенка, мы видим не лицо Бога, а лицо Его врага. Наша вера, по его мнению, тем и прекрасна, что освобождает нас от оптимизма и учит вместо этого надежде (Hart, 2004: 103–104).

Надежда для американского философа оказывается единственным логичным выходом из бессмысленности наличия зла и страданий в существующем мире. Но христианская надежда бывает двоякого рода. Чарльз Тейлор через несколько лет после выхода труда Дэвида Харта, размышляя о причинах распространения секулярного мировоззрения и обострившейся по этой причине проблеме теодицеи, также обозначает надежду как единственный возможный ответ на нападки атеистов, но рассуждает о надежде на помощь Божью в борьбе со злом в этой земной жизни (Taylor, 2016: 306, 389). Дэвид Харт же выносит объект

надежды за рамки нашего земного бытия. Он говорит о надежде на жизнь будущего века.

Так, в заключение своего труда, подводя итоги своим философским размышлениям о проблемах теодицеи, Харт с помощью антитез показывает, насколько его восприятие конца света отличается от фундаменталистского: спасение по благодати против спасения имманентными событиями природы и истории, осуждение Богом всего проклятого и ложного вместо объяснения логической связи произошедших событий, избавление мира от оков страданий, а не раскрытие логики его истории. Он призывает людей радоваться тому, что

rather than showing us how the tears of a small girl suffering in the dark were necessary for the building of the Kingdom, He will instead raise her up and wipe away all tears from her eyes — and there shall be no more death, nor sorrow, nor crying, nor any more pain, for the former things will have passed away, and He that sits upon the throne will say, “Behold, I make all things new” [вместо того, чтобы показать нам, как слезы маленькой девочки, страдающей в темноте, были необходимы для созидания Царства, Он [Господь] вместо этого поднимет ее и сотрет все слезы с ее глаз — и больше не будет ни смерти, ни скорби, ни плача, ни боли, ибо все это исчезнет, и Сидящий на престоле скажет: «Се, творю всё новое»] (Hart, 2004: 103–104).

Многие христианские авторы свидетельствуют о неразрывной связи эсхатологии и теодицеи (Theodicy and Eschatology, 2005: xii), но при этом используют первую для обоснования последней. Эсхатологическая перспектива вечного блаженства страдающих праведников, которым будет многократно воздано в будущей жизни, по их мнению, способна примирить человека с наличием зла в современном падшем состоянии мира (ibid.: xiii). Но как видно из последней приведенной нами цитаты, Дэвид Харт не может согласиться с подобным утверждением и идет другим путем: он заменяет теодицею эсхатологией. Даже в эсхатологической перспективе он не считает нужным надеяться на получение ответа на данный вопрос. Примером ему служит Сам Христос, который прощает грехи, исцеляет страждущих, изгоняет зло и побеждает смерть, но нигде не свидетельствует о том, что это зло исходило от Бога для достижения Им неких предвечных целей в истории или по иным причинам (Hart, 2004: 87). Эсхатология становится для него наиболее важным аспектом христианской доктрины, благодаря которой противоречивость и двойственное положение существующего мира отходят на второй план.

Такая позиция Дэвида Харта является весьма смелой, так как автор в своей апологетической схватке находит мужество не пытаться

взять верх над оппонентом количеством известных ответов на данный вопрос, а оставляет место для Божественной тайны, что хотя и является менее популярным подходом в апологетической и миссионерской деятельности, но, апеллируя не столько к разуму, сколько к сердцу человека, способно вызвать положительную реакцию именно честностью высказанного мнения.

Таким образом, мы можем охарактеризовать теодицею Дэвида Харта как эсхатологическую антитеодицею. Рассматривая проблему зла как в онтологическом, так и в этическом дискурсе, он отказывает традиционным теодицеям в праве на существование, считая их идеи основаниями атеистических атак на христианство. Взамен он предлагает свое эсхатологическое решение данной проблемы, антропоцентричное по своей сути. Оно выходит за рамки нынешнего конфликта двух миров и состоит в вере в то, что наилучшим утешением страдающему человеку будет не разумное объяснение причин постигших его напастей, а надежда на конечное торжество Добра и Любви.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонхёффер Д.* Сопrotивление и покорность / пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М. : Прогресс, 1994.
- Иоанн Златоуст.* Творения. В 12 т. Т. 6 / пер. с древнегреч. [Санкт-Петербургской духовной академии]. — СПб. : Издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1900.
- Казарян А. Т.* Зло // Православная энциклопедия. Т. 20. — М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. — С. 205–265.
- Тиллих П.* Систематическая теология / пер. с англ. Т. П. Лифинцевой. — М. : Университетская книга, 2000.
- Франк С. Л.* Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. — М. : Факториал, 1998.
- Betenson T.* Anti-Theodicy // Philosophy Compass. — 2016. — Vol. 11, no. 1. — P. 56–65.
- Frank S. L.* The Unknowable : An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion / trans. from the Russian by B. Jakim. — Ohio : Ohio University Press, 1983.
- Hart D. B.* The Doors of the Sea : Where was God in the Tsunami? — Michigan : Eerdmans, 2004.
- Hart D. B.* Tsunami and Theodicy // First Things. — 2005. — No. 151. — P. 6–9.
- Hart D. B.* Providence and Causality : On Divine Innocence // The Providence of God : Deus Habet Consilium / ed. by F. A. Murphy, P. G. Ziegler. — London : Bloomsbury T&T Clark, 2009. — P. 34–56.

- Hart D. B.* In the Aftermath : Provocations and Laments. — Michigan : Eerdmans, 2016.
- McGrath A. E.* The Christian Theology Reader. — New York : John Wiley & Sons, 2016.
- Roth J. K.* Theistic Antitheodicy // American Journal of Theology & Philosophy. — 2004. — Vol. 25, no. 3. — P. 276–293.
- Shearn S.* Moral Critique and Defence of Theodicy : Winner of the 2013 Religious Studies Postgraduate Essay Prize // Religious Studies. — 2013. — Vol. 49, no. 4. — P. 439–458.
- Taylor C.* A Secular Age. — Cambridge : Harvard University Press, 2016.
- Theodicy and Eschatology / ed. by B. Barber, D. Neville. — Adelaide : ATF Press, 2005.

Vilkova, Ye. V. 2020. “Teoditsey a po-amerikanski [American Theodicy]: sodержaniye i istoki apologii D-evida Bentli Kharta [The Content and Origins of the Apologia of David Bentley Hart]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (4), 35–49.

YEVGENIYA VILKOVA
 MA STUDENT, SENIOR LECTURER;
 SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY FOR HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-9015-1122

AMERICAN THEODICY THE CONTENT AND ORIGINS OF THE APOLOGIA OF DAVID BENTLEY HART

Submitted: July 04, 2020. **Reviewed:** Sept. 02, 2020. **Accepted:** Dec. 07, 2020.

Abstract: This paper attempts to examine an unconventional solution to the problem of theodicy proposed by the modern Orthodox theologian and philosopher David Bentley Hart. The purpose of the study is to provide insights into Hart's interpretation of the issue of theodicy. The paper discusses David Hart's counterarguments regarding the most popular current-day trends in understanding the problems of theodicy in the Western world, which, in his opinion, do not provide a response to anyone inquiring about God, but only serve as further grounds for atheistic attacks on Christianity. Particular attention is paid to the positive side of the theologian's teachings, which is a daring attempt to provide a response to atheism without resorting to the rational arguments of classical theodicies. The scientific value of this work lies in identifying the conceptual parallels of David Hart's apologetic views, which enables a conclusion to be drawn about the possible Russian footprint in the philosophy of the Orthodox American. This is of particular interest in terms of the further study of the influence of Russian religious philosophy on the establishment of modern English-speaking Christian philosophers and theologians. The study employed the historical and philosophical methods of scientific knowledge, along with the so-called philosophical hermeneutics method, which enabled the philosophy of David Hart to be analyzed as a phenomenon existing in

the context of modern culture and the deep meaning of his texts and relation between the principles of his philosophical system to be revealed.

Keywords: David Hart, Orthodox Theology in America, Theodicy, Anti-Theodicy, Apologetics, Eschatology, Semyon Frank.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-35-49.

REFERENCES

- Barber, B., and D. Neville, eds. 2005. *Theodicy and Eschatology*. Adelaide: ATF Press.
- Betenson, T. 2016. "Anti-Theodicy." *Philosophy Compass* 11 (1): 56–65.
- Bonhoeffer, D. 1994. *Soprotivleniye i pokornost' [Widerstand und Ergebung]* [in Russian]. Trans. from the German by A. B. Grigor'yev. Moskva [Moscow]: Progress.
- Frank, S. L. 1983. *The Unknowable [Nepostizhimoye. Ontologicheskoye vvedeniye v filosofiyu religii]: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion*. Trans. from the Russian by B. Jakim. Ohio: Ohio University Press.
- . 1998. *Svet vo t'me. Opyt khristianskoy etiki i sotsial'noy filosofii [Light Shineth in Darkness. An Essay in Christian Ethics and Social Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Faktorial.
- Hart, D. B. 2004. *The Doors of the Sea: Where was God in the Tsunami?* Michigan: Eerdmans.
- . 2005. "Tsunami and Theodicy." *First Things*, no. 151: 6–9.
- . 2009. "Providence and Causality: On Divine Innocence." In *The Providence of God : Deus Habet Consilium*, ed. by F. A. Murphy and Ph. G. Ziegler, 34–56. London: Bloomsbury T&T Clark.
- . 2016. *In the Aftermath: Provocations and Laments*. Michigan: Eerdmans.
- Johannes Chrysostomus. 1900. [in Russian]. Vol. 6 of *Tvoreniya [Selected Works]*, trans. from the Ancient Greek by [St. Petersburg Theological Academy]. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii.
- Kazaryan, A. T. 2001. "Zlo [Evil]" [in Russian]. In vol. 20 of *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*, 205–265. Moskva [Moscow]: TsNTs "Pravoslavnaya entsiklopediya".
- McGrath, A. E. 2016. *The Christian Theology Reader*. New York: John Wiley & Sons.
- Roth, J. K. 2004. "Theistic Antitheodicy." *American Journal of Theology & Philosophy* 25 (3): 276–293.
- Shearn, S. 2013. "Moral Critique and Defence of Theodicy: Winner of the 2013 Religious Studies Postgraduate Essay Prize." *Religious Studies* 49 (4): 439–458.
- Taylor, Ch. 2016. *A Secular Age*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tillich, P. 2000. *Sistematicheskaya teologiya [Systematic Theology]* [in Russian]. Trans. from the English by T. P. Lifintseva. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya kniga.